

Ты ведь знаешь, не так ли?1

Даже сейчас мне нечасто говорят комплименты за мою личность, но раньше, когда меня ещё называли мальчиком, у меня была невероятно неприятная личность, как мне кажется. Был ещё момент в времени, когда я видел в себе человека одарённого и высокоинтеллектуального, когда я любил себя и смотрел на окружающих свысока. Я верил, что знаю то, чего не знают другие, замечаю то, чего не видят другие, но с течением лет это переросло в высокомерие.

Это более-менее всё объясняет.

Стоило меня поставить перед вводящим в заблуждение вопросом, на который я не мог быстро дать ответ, как тут же я заводился. Настолько способным я себя считал, да и после того, как я убирал все сомнения, просто подумав о них, я всегда ощущал себя так, будто я добился чего-то значимого. Будто я стал кем-то.

Однако, узнавая ответы на возникшие сложные вопросы — нет, после того, как я ответил на каждый из них, — я понял, что я остался в пустоте.

Все остальные просто наслаждались жизнью, не обременённые этим. Они счастливо жили, вообще не догадываясь до тех ответов или даже вопросов, чего скрывать.

Они смеялись, они плакали, порой злились.

Я думал, что этому причина их невежество.

Я считал, что они всего лишь наивно резвятся на минном поле. Что однажды они проклянут свою глупость.

Что они обо всём пожалеют, когда наконец-то наступят на мину и всё кончится.

Но я ошибался.

Я был всего лишь одиноким ребёнком, живущим в мире, который я создал для себя, изобретая вопросы и отвечая на них, чтобы мне стало лучше. Я действительно считал, что могу просто использовать теорию, чтобы заменить ей реальный опыт, что даже я стану счастливым, если захочу.

Я неправильно действовал.

Тем не менее, мир не умер.

Игра продолжалась.

Хоть я и считал, что отстал так сильно, что не осталось даже самого малого шанса на победу, но моя жизнь продолжилась. Какое-то время я думал о том, чтобы покончить со всем этим своими руками, и я действительно попытался сделать это, но я не смог сделать даже это.

На деле, возможно, я не был даже наблюдателем. Я был неудачником.

Я был лишь грустным, никчёмным неудачником.

И в какой-то момент я перестал гоняться за ответами на мои вопросы. Не то чтобы я стал пассивным, просто я стал относиться апатично к тем вопросам.

У ответов нет никакой реальной ценности.

Они обобщённые, амбициозные и необоснованные, а всё вокруг и так хорошо. Даже лучше.

Вызвать настоящие изменения — дело, которое нужно предоставить настоящим «избранным», выделяющимся индивидам, вроде алой Величайшей человечества и Голубого саванта. Это никогда не было моим делом.

Это не работа для обычного неудачника. Для забавного напарника.

Не обращая внимания ни на что в бездне, даже если ты оказался в ней, — вот каким теперь был стиль жизни.

Даже если ты знал о бездне, но делал вид, что нет, то рано или поздно ты забудешь о ней.

Вот во что я верю, даже если люди будут говорить, что я уже неизлечим, что это всего лишь призыв к компромиссу, что ты лишь притворяешься человеком.

Вот о чём я думал, смотря на своё отражение в зеркале. Отражение непроигравшего.

Разве это не просто?

Не будь я неудачником, я бы был лишь провалом.

Если бытие безумного чудовища — альтернатива, то лучше будет быть неудачником.

Я уверен, что он чувствовал то же самое.

Если бытие неудачника — альтернатива, то лучше будет быть безумным чудовищем.

Оба утверждения были бессмысленными.

Это и бессмыслица, и шедевры.

И это было хорошо. Этого было достаточно.

Всё было хорошо именно в том виде, в каком оно есть.

Девушка, спрашивавшая, ощущал ли я себя побитым. Девушка, сказавшая, что я ей нравлюсь. Парень, предсказавший, что его убьют следующим. И ты, назвавшая меня невежественным.

Ладно.

Наверно, не мне должно менять что-либо, но закончить бессмыслицу, а начало которой я ответственен, должен именно я.

Давай будем придерживаться традиций и покончим с этим.

Муими-тян.

Я засунул стилет, который Дзэродзаки одолжил мне, в замок и начал им крутить. Где-то через

минуту я услышал щелчок. Я схватился за ручку и потянул за неё. Щеколда на цепи была задёрнута, поэтому дверь сдвинулась лишь на несколько сантиметров.

Я ненадолго засомневался. Я сунул нож в щель и сломал цепь. Её звенья были более хрупкими, чем мне казалось, и они разлетелись повсюду. Одна из них даже отлетела мне в лицо. Мне было всё равно. Высвободив дверь от щеколды, я открыл её и вошёл.

Зрелища внутри было достаточно, чтобы оставить кого-либо без слов.

Обои были порваны, а на полу разбросаны осколки разбитых тарелок. Я подумал, что будет опасно снимать обувь, но, зная, что это грубо, я вошёл в комнату, не снимая обувь. Идя дальше, я заметил, как интерьер становился всё хуже и хуже. Тут была полная разруха. Наверно, во всей комнате не было ни единого предмета, сохранившегося в первоначальном состоянии, от мала до велика. Буквально всё было уничтожено. Одежда разорвана в конфетти и разбросана по комнате, мебель сломана, книги порваны, экран телевизора разбит, компьютер сломан, ковёр воняет и на нём полно пятен, трещина на зеркале по центру волной прошла по нему, ведро с помоями перевернуто, осколки от лампочек украшали пол, хомяк разорван от конечности до конечности, подушка вывернута наружу, овощи сгнили до состояния, в котором их можно лишь закопать, холодильник перевернут, на кондиционере огромная вмятина по центру, чайный столик украшает ужасное граффити, аквариум покрыт трещинами и в нём плещется едва живая тропическая рыбка, письменные принадлежности расколоты пополам и уцелевших не осталось, часы, которые больше не работали, разорванный календарь, задушенный плюшевый мишка.

И.

— Что ты здесь делаешь?

Она, сидевшая около окна и смотревшая на меня проклинающими глазами.

Несомненно, самой сломанной вещью в комнате была именно она.

— Муими-тян.

Ответа не было.

Лишь жуткий взгляд, пронзающий меня, словно кинжал.

Её волосы, её длинный коричневый саваж был изрезан и превращён в нечто отвратное.

Приглядевшись, я увидел остатки её волос по всей комнате. Я не верил, что женская жизнь заключена в волосах, как говорят порой, но нечто жуткое во всём этом было.

Это была полностью её территория. Барьер, едва удерживающий равновесие и грозящийся развалиться в любой момент.

В воздухе витали проклятия, каждое из которых было направлено на меня. Смертоносный взгляд Муими-тян был не единственной вещью, пронзающей меня.

Всё в этой насквозь разрушенной комнате источало злобные умыслы, враждебность, неприязнь и гнев.

Словно сам мир стал моим врагом.

— Знаешь, я буду признателен, если ты перестанешь пялиться на меня так.

— Заткнись, — сказала она низким голосом. — Зачем ты пришёл сюда? Как ты смеешь?

— Расслабься. Я пришёл не для того, чтобы спасти тебя или типа того. Я не настолько добрый и не протагонист.

Правой ногой я расчистил себе путь в этих дебрях на полу и сел напротив Муими-тян. Я заметил её уничтоженный телефон на полу рядом с собой.

— Ага. Понятно. Так вот почему Сасаки-сан не смогла с тобой связаться. В какой-то момент она может приехать к тебе. Думаю, ты не можешь просто сидеть здесь.

— Зачем ты пришёл сюда?

— В общем, я уже всё вычислил, — сказал я намеренно сухо. Конечно, разумно было бы сейчас не очень мудро портить ей настроение, но только к этому голосу я сейчас мог прислушаться. — Наверно, ты могла бы сказать, что моё воображение сделало большую часть работы. Но кое-что я до сих пор не могу понять, сколько бы я не думал. Мне интересно, захочешь ли ты рассказать мне об этом.

— ...

— Допустим, твоё молчание означает «да». — Я ненадолго замолчал. — Я понял всё до того момента, когда ты напала на меня. Но почему ты убила Акихару-куна? Я этого не могу понять. Не было ни единой причины убивать его.

— Ха. Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, — внезапно начала она маниакально гоготать. Это был самый безэмоциональный смех из всех, что я слышал. Бессердечный. Он всего лишь отражал её безумие. Она вновь посмотрела на меня.

— Посмотри на эти раны.

— Нужно быть тупым, чтобы сунуться сюда с такими ранами. Никто не придёт спасти тебя. Или твой рыцарь в сияющих доспехах ждёт тебя за дверью?

— Нет, вообще нет. Он появился в ту ночь совершенно случайно. За него не переживай, — сказал я, вспоминая события той прекрасной ночи. Я коснулся своего большого пальца и марлевой повязки на лице. Конечно, мои плечи и челюсть не восстановились полностью. Я был не в состоянии увидеться с кем-либо лицом к лицу. — Поначалу я не мог прийти к выводу. Тот человек в чёрном носил лыжную маску, так что у него не могло быть длинных волос. Поэтому я подумал, что это не ты, но теперь, видя твои срезанные волосы, я всё понял, И ты ведь не по этой причине их срезала?

— Не льсти себе.

Справедливо. Я пожал плечами.

— Ты всего лишь более осмотрительный, чем я думала. Ты замечаешь следы. И я не могла напасть на тебя в твоей квартире, потому что это халупа со стенами толщиной с бумажный лист.

— Хм. Идеальная обстановка, да? — Я постарался симитировать циничный тон Айкавы-сан, но

у меня это не очень хорошо получилось. — Но использование имени Микоко-тян, чтобы выманить меня, было перебором. Не очень чистый метод.

— Не смей произносить это имя. — Она крайне гневным взглядом посмотрела на меня. — У тебя нет на то права.

— Ну спасибо.

— Я не хочу разговаривать с тобой, но я задам тебе вопрос. Почему ты отвергнул Микоко?

— Я не то чтобы отвергал её...

— Почему? — Она ударила по стене со всей силы. Вся комната затряслась от этого безжалостного удара. В ней я не увидел ни капли сомнений касательно её тела. Она меня не ударила, но холодок по спине у меня прошёл.

Даже маниакальное чудовище составил бы лучшую компанию, чем эта разрушительница.

— Почему? Почему ты не ответил её взаимностью? Это ж такая малость. Почему ты не смог сделать нечто настолько простое? Почему именно это ты не смог сделать?

— Свой вопрос я задал первым. И я хочу получить на него ответ. Я вновь спрошу, столько раз, сколько понадобится. Почему ты убила Акихару-куна? На то не было ни единой причины. Со всем остальным всё ясно, но именно этот момент до сих пор во мгле. Я уже сказал это, но я знаю, почему ты напала на меня. У тебя были свои причины. Я могу это понять. Но почему тебе понадобилось убить Акихару-куна?

— Если я отвечу, то ты ответишь на мой вопрос?

— Обещаю.

Даже после этого она ещё какое-то время пялилась на меня.

Через несколько минут...

— Всё просто, — сказала она. — Это казалось чем-то само собой разумеющимся.

— Само собой разумеющимся? — повторил я, пытаюсь понять выражение её лица. — Но Акихару-кун ведь был твоим другом?

— Да, он был другом. Он мне нравился. Но не настолько, чтобы я ни за что не задушила его.

В её словах и жестах не было ни единого намёка на ложь.

— Дружба — не причина не убивать. Она лишь затрагивает порядок приоритетов, — честно сказала она.

Я прищурился и медленно кивнул. Приоритеты. Друзья. Порядок. Друзья. Некоторое время я жевал каждое слово у себя в голове. Я искал подходящие слова для ответа.

— Или ты хочешь сказать мне, что ты ни за что и никогда не убил бы друга? Независимо от причины ты бы этого не сделал?

— Всякого, кого я могу убить, я не считаю своим другом.

— Ну это пипец как чудесно, — усмехнулась она. — Какой ты лицемер. Почему ты не поделился хотя бы долей этой сомнительной добродетели с Микоко? Теперь отвечаешь ты.

Я повторил то, что я хотел сказать, у себя в голове трижды, прежде чем произнести это вскух:

— Наверно, потому, что она мне не нравилась.

Я думал, что она сделает выпад в мою сторону и начнёт избивать меня, но она даже не сдвинулась. Она просто сидела и глазела на меня.

— Ох, — мягким тоном сказала она. — Полагаю, ты не просто какой-то безмозглый козёл. Ты просто жестокий.

— И если да?

— Я ведь уже говорила? Я уверена, что да. Если ты навредишь Микоко-тян, то я тебя никогда не прощу.

Я прищуром посмотрел на неё. Казалась, что она вот-вот равнёт. Я снова пожал плечами.

— А что насчёт тебя? Я не могу понять. Я понимаю философию твоих действий, но я не знаю, можешь ли ты сказать, что это было ради блага Микоко-тян.

— Я сказала тебе не произносить это имя. Не говори о Микоко так, будто ты её знаешь! Да ты ни хера не знаешь! Я знаю её. Я знаю о ней всё. Мы были вместе с младшей школы. Я знаю её лучше, чем ты знаешь себя. Если чего я не знаю, так это как она запала на такого жестокого ублюдка, как ты.

— Всё просто, — немедленно ответил я. Зная уже всё, я видел, насколько всё это очевидно. — Это было недопонимание. Иллюзия. Ложь. Простая ошибка. Просчёт. Предположение. Всего лишь юная влюблённая девушка, которая влюбилась. Наверно, она просто плохо разбиралась в людях.

— Ты закончил? — Её ярость была уже за гранью отвратности. Она уже была готова взорваться. Наверно, речь уже шла о том, как далеко мы зайдём в словах.

— Вообще-то нет, есть ещё кое-что. Это обещание, которое я дал Микоко-тян, и я от него отрещиваться не буду, Муими-тян.

Мой последний вопрос.

Можешь ли ты простить себе—

— Можешь ли ты простить себе убийство?

— Что простить?! — Она наконец-то лопнула. — Я не делала ничего неправильного! Ничего! Нет ничего плохого в том, что я сделала с Микоко! Это я больше всех забочусь о ней! Я не жажду критики от кого-то вроде тебя! Это всё было для Микоко! Я сделаю что угодно ради неё! Я без раздумий убью или сдохну!

Ради справедливости. Ради веры. Ради правды.

Чтобы спасти другого. Ради друга.

Она убила.

— Мне было не наплевать на Микоко-тян, в отличие от тебя! Тебе плевать на всех, ты ни с кем не считаешься, ты просто живёшь, ни о чём не волнуясь, не так ли?! Ты ничего ни для кого не можешь сделать! Ты протсо покорёженный! В тебе нет ни единой человеческой эмоции! Так что закрой свой поганый рот!

Потому что это было раду чужого блага.

Без раздумий, без обсуждений.

Без какой-либо неопределённости.

Даже без сожалений.

Без какого-либо стыда или рефлескии.

Она убила.

— Если бы только ты не появился! То Томоэ, Микоко, Акихару и я всё ещё жили бы счастливо! Если бы не ты! Мы ведь так сдружились! С начальной и старшей школы и даже в университете! Стоило тебе появиться, как тут же всё стало говном!

Потому что они раздражали.

Потому что они встали на пути. Потому что они были помехой. Потому что они создавали проблемы.

Потому что они злят. Потому что они нестабильны. Потому что они отталкивают

Она убила.

— Всё это было ради Микоко! Она моя, а я принадлежу ей! Мы лучшие друзья! Я убила бы собственных родителей ради неё, а она ради меня убила бы даже тебя!

Потому что это было важно для кого-то.

Она убила бы кого угодно.

Она убила бы любое количество людей.

Десятки. Сотни.

Себя или кого-то ещё.

Даже лучшего друга.

— Я не ошибаюсь! Я права! Поэтому я сделаю её ещё раз и ещё! Даже если бы ямогла вернуться назад во времени, я сделала бы всё ещё раз! Микоко прощает меня!

Без лишней силы.

Не заходя дальше нужного.

Всё равно что вдохнуть.

Как бродяга и как чудовище.

Как побитый и как ошибка природы.

Она убила.

— Я... я прощаю себя! — крикнула она и топнула по грязному полу.

— Хм. — Смотри на неё, я был невероятно спокоен. — Ты закончила?

Она презрительно посмотрела на меня. Мне уже всё равно.

— Тогда хватит. Прошу, заткнись. Твой голос оскорбляет уши, а твоё присутствие — глаза. Так что делай, что хочешь, и говори, что вздумается. Отлично. Тебя это устраивает? Ты полностью сломан. Разрушен.

— Разрушен? Я?

— Что конкретно ты сделал во имя блага Микоко-тян? Ты ведь просто перекадываешь вину на неё?

— Как будто хоть что-то знаешь.

Я видел, как она пыталась воздержаться от выпада вперёд. Она точно сделала бы это, если бы я не упомянул Микоко.

Прямо сейчас Аой Микоко была единственной, кто хоть как-то сдерживал её.

— Ну... — сказала она низким голосом, похожим на рык из глубин ада. — А ты?! Ты вообще не чувствуешь ответственности за её смерть?! Отвечай!

— Нет, не чувствую. Вообще. Все, кто умирает, просто умирают.

— ...

Я видел, как она бледнеет. Её разум уже давно как не просто взбешён. Тем не менее, я не пытался закончить свою речь. Я просто продолжил, выплёвывая слова как машина:

— Я не настолько заносчивый, чтобы пытаться вмешиваться в чужие жизни. Люди должны брать на себя ответственность за свои действия. И ты тоже.

— А тебе-то что? Как ты можешь так думать? Как ты можешь иметь такое омерзительное мировоззрение? Ты чокнутый. Ты не человек.

— Я просто не поддерживаю людей, так сильно цепляющихся к другим, что они их поглощают. Меня злят люди, живущие под девизом: «Ох, я сделал это для того человека, а это для этого человека,» — будто это даёт вам право делать что угодно.

Я будто смотрел на себя самого.

— Как-то раз я сказала, что вы с Томоэ похожи, но позволь мне уточнить, — сказала Муими-тян, будто проклиная дьявола. — Томоэ была воплощением комплекса неполноценности и держалась ото всех в стороне, но ты... ты просто враг.

— Ха-ах... — вздохнул я. Я не мог ей ни возразить, ни хотел возражать. А хотел я сказать: «До тебя только сейчас дошло?» Вещи похожие, но не одинаковые являются разными. Всё было настолько просто.

— Ну ладно. Делай что хочешь. Мы всего лишь два человека, которые никак друг с другом не связаны. Я вообще не желаю вставить у тебя на пути, но... убивать Акихару-куна было глупо, Муими-тян. Весьма скоро они придут арестовать тебя, и я не думаю, что Микоко-тян этого хотела.

— Как будто мне не всё равно на закон. Так что меня арестуют. Точно арестуют. Но до этого ещё есть время. И его достаточно, чтобы заставить тебя страдать. Чтобы убить тебя.

Муими-тян встала на одно колено и по уровню сошлась с моими глазами. Нож, который она какое-то время направляла на меня, теперь отражал луч света и привлёк моё внимание. Это был тот самый нож, которым пользовался человек в чёрном в ту ночь. Тот самый нож, который прошёл мимо моей сонной артерии.

— В этот раз мне ничто не помешает.

— И что случится, когда ты убьёшь меня?

— А мне плевать. Говори сколько влезет, но настало время взять на себя ответственность за причинение вреда Микоко.

— ...

Хм. Я понял.

Значит, даже ты не поняла. Ты всё болтала и болтала о том, как ты делала всё ради Микоко-тян. Всё это было ради Микоко-тян, всё это было ради Микоко-тян, но это всего лишь оправдание. Мольба. Попытка защититься.

Твои действия наполнены простой завистью, направленной на меня, обычным раскаянием за то, что произошло с Микоко-тян, и твоим унылым чувством вины. Только и всего.

— Твоя бессмыслица хороша, Муими-тян, — сказал я, даже не обращая внимания на нож в её руке. — Так мы продолжим с того, на чём тогда остановились? Ты будешь избивать меня без конца, причинять мне боль, заставляя испытывать боль и страдания, а потом убьёшь меня?

— Да.

— И не говори.

Я сжал указательный палец правой руки левой.

— Например, ты можешь вот так сломать мои пальцы? — Я загнул палец назад и сломал кость.

Звук был такой, словно ветка треснула.

Лицо Муими-тян искажил шок.

Невероятная, сводящая с ума боль прошла по ладони, но я даже не вздрогнул, светя сломанным пальцем перед лицом Муими-тян.

— Доволен?

Мне было нечего сказать.

— Нет? С чего бы тебе удовлетвориться этим? Этого вообще мало, чтобы тебя подбодрить. Ты ненавидела, ненавидела и ещё раз ненавидела меня, поэтому ты никак не может быть удовлетворённой. Потому что мораль, закон и здравый смысл ничего не значат, если это ради Микоко-тян.

— Р-р-р. Р-р-р-р.

Она задрожала.

Я впервые увидел, как её трясёт от эмоций.

Мне было и на это всё равно.

— Полагаю, дальше будет средний палец? — сказал я, хватаясь за средний палец.

Я был словно кукла.

Вот почему у меня не было нервов.

Вот почему у меня не было сердца.

Вот почему я мог просто сломать собственные кости.

Хруст.

— Дальше безымянный?

Я вывернул безымянный палец.

— И, наконец, мизинец?

Я вывернул мизинец под невозможным углом.

Хруст.

— Ну, моя правая ладонь уничтожена полностью. Теперь я и защититься не смогу нормально.

— Ах... ах... ах... — К её лицу приливает кровь. Это была паника, не страх. Само чувство паники, смешанной со страхом, за гранью её понимания. Это была смертельная рана, а не эмоция, куда более сильная, чем гнев.

— Продолжаем с левой рукой?

Я указал четырьмя пальцами левой руки на пол. Затем я всем телом навалился на левую руку.

Послшался многократный хруст.

Этот квартет звуков радовал.

— Почему бы их слегка не изогнуть?

Снова слышался хруст.

— А теперь посмотрим, могу ли я ещё что-нибудь сделать—

— Чт... что ты, сука, творишь?! — закричала она. Бросив нож в сторону, она схватилась за моё запястье. — Ты... ты спятил! Что это?! Что ты делаешь?!

— Я всего лишь избавлял тебя от необходимости делать то, что ты и так собиралась сделать. Всё было бы точно так же, сделай ты это сама. Или, согласно твоей логике, если бы Микоко-тян сделала это. Я прав?

Я держал свои ужасно искривлённые пальцы перед глазами Муими-тян. Она рефлекторно отвернулась, считая, что даже в текущем состоянии она не могла смотреть на нечто настолько отвратительное.

— Т... тебе не больно?!

— Нет, — спокойно сказал я. — Ничего такого. По крайней мере, для меня. Сколько бы меня не пытали или били, я ничего не почувствую. Можешь даже убить меня, если хочешь. Поступай как знаешь. Но для меня смерть будет лишь освобождением.

— Что ты—

— Мне от всего тошно, сыт я всем по горло. Жизнью, людьми вокруг, людьми не вокруг меня, всеми намерениями, из которых мир складывается и не складывается, тобой, Микоко-тян и, конечно же, собой. Это всё причиняет лишь треклятую головную боль. Это мне здесь мерзко. Жизнь приносит лишь боль. Я не вижу ничего ценного здесь. Говоря проще, мне будет насрать, если мир будет стёрт завтра или я помру сегодня. Я даже был бы рад. Так что убивать меня будет бессмысленно. Да и я не стал бы возражать, если бы ты убила меня той ночью.

— _____...!

— Но я всё ещё считаю, что успокоилась бы, убив меня. Но это не будет считаться мстью, справедливостью или преданностью другу. Это всего лишь самооблегчение. Всего лишь отвлечение от правды. Тебе полегчает, но не более. Причинение боли мне смывает всю твою зависть, мои страдания помогут тебе забыть об угрызениях совести, а мой убийство избавит тебя от вины, только и всего.

— Ты ошибаешься! — Она схватилась за голову и начала качать ей, как безумец. — Ты не прав! Ты не прав! Ты не прав! Не смей переводить стрелки! Ты полон говна! Я сделала для неё всё, а т—

— Ну давай, убей меня. Убей меня своими руками. Мир просто продолжит существовать.

Только для себя.

Не говоря, что это для кого-либо ещё.

Никаких оправданий, мольб и попыток защититься.

Просто убей меня, как ты и хотела.

Соверши своё бесплодное преступление.

— Р-р-р-р-р-р... а-а-а-а-а-а-аха-ах-х-х-х!

Она взяла нож с пола. Смотря на меня преисполненным, дьявольским взглядом, она прикусила нижнюю губу, будто сдерживая ругательство, и схватила меня за шею. Другой рукой она вогнала острие ножа в кожу, прямо рядом с сонной артерией.

И она сомневалась, выжидала, думала, смотрела.

— Р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р!

И она остановилась.

...

Я закрыл глаза и предоставил себя времени.

Но вскоре я устал и от этого.

— Интересно, что пошло не так? — сказал я, спокойно убирая её руку и удаляясь от ножа. Я встал и некоторое время смотрел на то, как Муими-тян, прижавшись к молу, рычала, а потом хорошенько почесал себе спину. — Когда люди перестали делать что-либо только ради себя, Муими-тян?

Это всегда было из какого-то чувства долга или справедливости.

Из чувства товарищества или дружбы.

— Не думаешь, что всё это просто бессмысленно?

Муими-тян не ответила. Я не был уверен в том, чтоило ли мне вообще задавать этот вопрос. Я ничего не сделал ни для кого, не говоря уже о себе. Я ни разу ничего не сделал ни для кого.

— И что? — ответила Муими-тян, будто ища спасителя. — Что я могла сделать для Микоко? Что я должна была сделать для неё? Что мне делать?

Не спрашивай у меня.

Это ведёт лишь в тупик.

Считать, что ты можешь что-то сделать для других, — всего лишь радостное заблуждение. Но когда ты поймёшь, что это всего лишь заблуждение, как сейчас, тебе больше некуда будет идти. Как у Томо-тян и у меня, у тебя больше не осталось мест, куда можно было бы пойти. А впереди тебя даже не отчаяние, а чёрная пустота.

Это тупик.

Но я не собирался говорить ей то, что мы оба уже знаем. Я не собирался говорить об этом, даже если она ничего из этого не знала.

— Буду честным, — сказал я, повернувшись к ней спиной, — я пришёл сюда в надежде, что ты убьёшь меня. Ты могла бы сделать это. Ты хотела убить меня, а я хотел умереть. Будто на небесах нас связали друг с другом. Поэтому я думал, что я покончу со всем этим. Но я передумал. Я не посмею кому-то вроде тебя убить меня.

— Тогда... — сказала она уставившись на пол. Я повернулся к входной двери, чтобы избежать зрительного контакта с ней.

Словно изношенная, разорванная в клочья нить, она изрыгнула предложение, смешанное с рыданиями:

— Тогда убей меня прямо сейчас.

— Это не моё дело. Сама сдохни, — ответил я и не обернулся. Я не желал оборачиваться.

2

— Здравова. Всё закончилось?

Выйдя из квартиру Муими-тян, я увидел, как Дзэродзаки, прислонившийся к телефонному столбу, помахал мне рукой и позвал меня. Я продолжил идти мимо него.

— Да, всё закончилось, — сказал я.

— Мне кранты, — ответил он, догоняя меня и подстраивая свой темп под мой. — Ух ты! Что стало с твоей рукой?! Это я свихнулся или число сломанных костей умножили на девять?

— Да, так и было.

— Она сломала их? Святые угодники, чувак, Аэтмия прям как Стальная Земля! Это уже плохо.

— Нет, это я их сломал. Каждый палец.

— Ты спятил? А хотя, ты ведь говорил, что и тот большой палец ты тоже сам сломал? Ты мазохист? Ты чёртов мазохист? Тебе не больно? Ты боль не чувствуешь? Тебе что, лоботомию делали?

— Болит адски. Так сильно, что я даже отрубиться не могу. Я могу зарыдать. Я и так уже шёл в больницу. Мы ведь недалеко от больницы Нисидзин?.. И я не мазохист вообще, нет. Ситуация требовала небольшой шоковой терапии, только и всего.

— Знаешь, сломанные кости не всегда срастаются нормально. Возможно, ты больше не сыграешь в бейсбол.

— Не переживай. Если это и случится, то я просто пойду играть в футбол.

— Да ты, должно быть, шутишь, — с трепетом сказал он. — Так как всё прошло?

— Ну, сейчас будет только уброчка всего бардака. Этим займутся Сасаки-сан и Кадзухито-кун. Я уверен, они всё осмотрят и проверят. Муими-тян арестуют, всё всплывёт, и на этом всё кончится.

Конечно, если Муими-тян не сойдёт с ума раньше времени.

Конечно, если она вообще до сих пор жива.

Дзэродзаки сложил руки за головой с разочарованным выражением лица.

— Да ладно, чувак. Это вообще не драматично. Нельзя ли было сделать всё немного романтичным?

— А что тут поделаться? Такова реальность.

— М-м-м. Видимо, да. Скажи мне, чувак, а у тебя есть родители или хотя бы родственники?

Дзэродзаки задал совершенно не ожидаемый вопрос, но я чувствовал, что он может задать подобный вопрос, поэтому я не удивился.

— Да, есть. В Кобэ. Думаю, они всё ещё живы.

— Хм. Так ты благодарен им или типа того?

— Что?

— Типа, что ты к ним чувствуешь?

— Касательно чего?

— Касательно того, что тебя родили, дубина.

— А ты, Дзэродзаки? Кажется мне, что мне даже не нужно об этом спрашивать, ведь так?

— Ответ должен быть очевидным.

— Да.

На миг мы смерили друг друга взглядами.

— Мне жаль...

— За то, что я родился.

— Ага. Наверно, это всё же говорил не Акутагава, — рассмеялся Дзэродзаки.

— Мне больше нравится Мусянокодзи. — Я не засмеялся.

— А что ты думаешь насчёт Кикучи Кана? Я его большой поклонник.

— Я не читаю его. Мне вообще не особо нравится чтение.

— Ах, да, ты ведь говорил об этом?.. Хм. — По какой-то причине он уверенно кивнул. — Кстати, может, ты отдашь мой нож? У меня таких ножей немного.

— Ох, вот этот? Послушай, Дзэродзаки. Я так полагаю, ты не горишь желанием отдать его мне? Он очень удобный. Им можно без каких-либо технологий открывать двери.

— Эти ножи очень дорогие, обмудок. Ты сможешь заплатить мне полтора миллиона иен прямо сейчас?

— Боже, да почему этот маленький нож для стейка такой дорогой?

— К чёрту. И что ты предлагаешь?

— Может, я выплачу тебе полтора ляма ежегодными платежами?

— Знаешь, мы вряд ли ещё увидимся.

— Да, точно.

Оставшись без альтернатив, я неохотно вернул ему нож. Он взял его за рукоять, покрутил его и убрал его обратно в жилет. Было очевидно, что ножи у него были на всём теле. Мне стало интересно, что произойдёт, если он упадёт.

— Что ж, это, наверно, неважно, но меня всё ещё кое-что беспокоит. Не мог бы ты ответить на несколько вопросов? — спросил он.

— Конечно. Спрашивай.

— Мне вот кажется, что после убийства Эмото и Аой у Атэмии было крепкое алиби. В первый раз она была в караоке, а во второй она была со своей сестрой. Всё было так? Я не знаю, что было у вас с Усами, но как она смогла убить тех девушек? И кажется мне, что ты понял, что Атэмия и есть убийца, как только детектив позвонила тебе и сказала, что Усами убили. И ты будто уже знал, что именно она напала на тебя в парке Камогава. Как ты, чёрт возьми, понял, что это была она? Когда ты это понял?

— Хм. Это довольно сложно объяснить.

Дзэродзаки почесал голову.

— В каком смысле? Типа, это была интуиция? О, или так вышло, что все причастные к делу уже умерли, а потому это должна была быть Атэмия? Ты что, Киндайти?

— Нет. Но мне нужно это объяснять? Я могу завалить тебя доводами.

— Ну-ну. Я не против. Давай, ты из меня выудил мне детали касательно убийств и прочего. Что стало с принипом давания и брания? Ну же, оставь мне хорошие воспоминания.

— Ты что, скоро умрёшь?

— Может быть. Одно красное существо уже некоторое время гоняется за мной.

Да, это было более чем правдоподобно. Было даже возможно, что Айкава прямо сейчас появится перед нами. При данных фактах жизнь Дзэродзаки была словно свечкой, огонь которой дрожит на ветру.

— Да. Думаю, ты прав... Ладно, насколько далеко мне нужно вернуться? — спросил я.

— Начни с начала. Как ты узнал, что Атэмия стояла за убийствами Эмото, Аой и Усами и нападением на тебя?

— А вот и твоя первая ошибка, — сказал я. — Муими-тян не убивала Томо-тян или Микоко-тян. У неё бло алиби, так что это должно быть очевидно.

— Что? — Челюсть Дзэродзаки упала.

— Она убила Акихару-куна. И она же напала на меня. Она сделала лишь это. Ах, да, и я не считаю, что ей вернут предоплату за квартиру, но это мелочи.

— Постой, — сказал он, схватив меня за плечи. Он ухмылялся, но не улыбался. — Несколько часов назад ты уверенно распинаясь о том, что «она убила Эмото Томоэ», «она убила Аой Микоко», «она напала на тебя в парке Камогава», «она убила Усами Акихару» и что «очевидно же, что это была Атэмия Муими», разве нет?!

— И вправду, — спокойно ответил я. — Но видишь ли, дело в том, что я уверенно излагал ложь. Время было важно тогда, поэтому я пролетел мимо фактов. Всё немного сложнее, чем кажется.

— погоди. А чем я, блин, занимался, думая: «Как Атэмия смогла убить их двоих? Какая же это головоломка!»

— Я уже сказал. Я лжец.

— Я тебя прибью, — злобно пробубнил он и подошёл ко мне обратно. Я сделал шаг назад. — Эх, ладно. Тогда позволь мне задать вопрос по-другому. Так кто же убил Эмото? Если не Атэмия, то кто?

— Аой Микоко. — Я просто назвал её имя. Дзэродзаки не был удивлён настолько, чтобы это озвучить. Наверно, он в какой-то степени ожидал этого. Но он нахмурил бровь, заставив свою татуировку сморщиться.

— А кто тогда убил Аой Микоко? Не говори мне, что ты...

— Нет. Это было всего лишь самоубийство.

— Самоубийство? — В этот раз он точно удивился. — Аой убила себя?

— Да. Это ведь объясняет, почему на камерах видеонаблюдения никого не было? Конечно, объясняет: «убийцы» не было. Итак, Микоко-тян покончила с собой, после чего Муими-тян свихнулась, убила Акихару-куна и попыталась убить меня. Но я не хотел умирать, поэтому я сломал себе кисть. Вот и всё. ЧТД.

— Ты неправильно используешь эту аббревиатуру, — парировал он, затем в раздумьях схватился за голову. — погоди-погоди. Объясни мне это шаг за шагом. Ты не можешь просто так вывалишь настолько огромное объяснение.

— Ладно, объясню по-другому. Эм, так, ты понимаешь, что Микоко-тян убила Томо-тян? Пока что полёт нормальный?

— Да. Хотя, нет, не нормальный. Разве не ты ручался за алиби Аой? Или твоя соседка? Только не говори, что вы оба сговорились.

— Нет. Чего ты так подозрительно ко мне относишься? Произошло вот что: в ту ночь и только в ту ночь меня одурачили по полной программе. И Миико-сан. Точнее, её не одурачили, она просто не заметила.

— О чём ты?

— Попробуй подумать об этом сам. Томо-тян была убита Микоко-тян. Если это знать, то останется столько возможностей.

— А-а-а, — сказал он. — Так, вы ведь вместе вышли из квартиры Эмото? Затем тебе позвонила Эмото, когда ты был около Нисийэджи Накадатури. Вы вернулись в твою квартиру вместе, а

потом ты оставил её с Асано-сан, твоей соседкой. На следующее утро Аой проснулась рано, зашла в твою комнату, затем в квартиру Эмото... Ведь так? В тот момент, когда она якобы «нашла» тело Эмото, она её убил?

— Не совсем. Это противоречит с установленным временем смерти. Это должно было произойти ночью.

— Значит, она улизнула из квартиры Асано-сан?

— Исключено. Миико-сан крайне восприимчива к шуму. Она бы её застучала. И у Миико-сан не было никакой причины покрывать Микоко-тян.

— Тогда что это было? Какой-то трюк на расстоянии? Но это ведь было удушение, а не загадка с запечатанной комнатой.

— Следовательно, остаётся лишь один возможный ответ, — сказал я.

— Какой? Он как-то связан с «х больше у»?

— Нет. Не думай об этом. Оно как дополнительная порция картошки фри: просто оставь её в стороне.

— Ну же, скажи мне уже. Ты отлично умеешь ходить вокруг да около.

— Всё просто. Микоко-тян после того, как мы вышли из квартиры, никак не могла пересечься с Томо-тян. Из этого следует, что она должна была убить её до этого.

— Что? А это ещё что значит? — спросил Дзэродзаки. — Если всё было именно так, то тогда все претензии рухнут. Эмото убили после того, как ей позвонили, и до трёх часов ночи, так?

— Думаю, — сказал я, — что того звонка не было. Тогда не могла ли Микоко-тян убить её?

— Нет, это всё ещё невозможно. Вы ушли вместе.

— Ага. Мы ушли вместе, но не в одно и то же время. Была небольшая задержка. Точнее, очень маленькая. Но я вышел из комнаты раньше Микоко-тян. Мне ведь нужно было надеть обувь, когда я уходил? Тогда я не смотрел внутрь комнаты. Другими словами, я не смотрел на Микоко-тян и Томо-тян. Я смотрел на свои шнурки. — Я поднял ногу, чтобы показать это. — К тому же между коридором и входной дверью стояла дверь. Я не мог увидеть, чем они там занимались.

— Постой. Должен же был раздаться крик или хоть какой-то шум. Ты бы не заметил убийство, даже если бы оно произошло за тобой.

— Возможно, так и было бы, если бы её забили насмерть или зарезали. Но человек не может крикнуть, пока его душат. Шум был, но я ни за что не догадался бы, что там убивали. Я думал, что Микоко-тян упала или типа того.

— А-а-а. — Дзэродзаки начал тереть свои виски. Если приглядеться, то можно было бы увидеть небольшое сходство с Носэ Кэйко. Но нужно было бы постараться. — погоди. У тебя ведь на завязывание шнурков не уходит от десяти до двадцати минут? Если считать, что ты говоришь правду, то Эмото не умерла бы так быстро, даже если бы Аой задушила её. Люди без дыхания могут прожить до десяти минут.

— Дзэродзаки, может ли так быть, что ты неправильно понимаешь ситуацию, потому что ты специалист по ножам? Жертвы удушения не обязательно умирают от удушья. Они также могут умереть недостатка притока крови к мозгу. Нужно лишь потянуть вверх, вот так. Если ты сможешь перерезать сонную артерию, то на всё уйдёт меньше минуты. Если ты в этом хорош, то не больше пары десятков секунд.

— Правда?

— Правда. И после этого Микоко-тян открыла дверь, с виду невинная, и вышла через вход. К тому времени она загораживала вид во внутрь, так что я не смог ничего увидеть. Затем мы вместе вышли из квартиры Томо-тян и ушли.

— Да, это всё складывается... — сказал он, всё ещё не удовлетворённый. — Но это всё с учётом того, что тебе не позвонили? Но на деле Эмото действительно позвонила. Это означает, что она ещё была жива после того, как вы ушли. Не говори мне, что она на миг восстала из мёртвых.

— Ты продолжаешь выдвигать бессмысленные предсказания. Конечно, всё было не так. Томо-тян умерла мгновенно. Проще простого. Очень просто. Если ты просто подумаешь над этим, то ты догадаешься. Звонок ведь был для меня, но позвонили не на мой телефон.

— Да... и это была Аой? Но не потому ли, что она не знала твой номер?

— Ну, давай ненадолго вернёмся к основам. В чём заключается преимущество мобильного телефона? В том, что он позволяет совершить звонок откуда угодно? Тот звонок обязательно должен был исходить из квартиры Томо-тян. К тому же телефоны не дают тебе увидеть лицо звонящего, ведь так?

— То есть ты говоришь, что у Аой был помощник? И этот помощник воспользовался телефоном Эмото, чтобы прикинуться ей?

— Нет, помощника не было. Я более чем уверен, что это преступление было спонтанным. Орудие убийства также указывает на это.

— Ты о тонком куске ткани?

— Да. Скорее всего, это была ленточка от подарка, который Акихару-кун отдал Томо-тян. Ленточка наверняка хорошо подрезана для того, чтобы придушить ей кого-нибудь. Она гибкая и хорошо оборачивает кожу. Она справляется с этим даже лучше верёвки. В любом случае, тяжело посчитать, что убийство было преднамеренным, считая, что орудие убийства было чем-то, что оказалось там, а не было принесено заранее.

— Тогда кто совершил тот звонок?

— Микоко-тян не нуждалась в помощнике. Она сама совершила звонок, — сказал я. — Её нужно было лишь достать телефон Томо-тян и положить его куда-нибудь в карман, а затем набрать свой номер с помощью быстрого набора. Конечно, на том конце никто не говорил, но она просто притворялась, что ей позвонила Томо-тян. А уже потом она передала телефон мне.

— Но когда телефон оказался у тебя, ты ведь разговаривал с кем-то? Она разве не пыталась сказать тебе что-то, что она забыла?

— Да, но это была Микоко-тян. Тогда я шёл впереди неё. Это же произошло в квартире. Я не

понял, что Микоко-тян, шедшая прямо за мной, шептала в телефон Томо-тян. К тому моменту, когда я обернулся, она уже убрала телефон обратно в карман.

Способ убийства и способ создания алиби. Оба были невероятно рискованными, как ни посмотри. Если бы я просто случайно повернул голову, то всё это всплыло бы наружу. Но при этом шансы этого были крайне малы. Риск был огромным, а шанс успеха — невероятно высоким. Если всё взвесить, то тут риск определённо того стоил.

— Тем не менее, так она сделала себе алиби. Затем на следующий день она пошла в квартиру Томо-тян, вернула телефон и вызвала полицию. Обычно говорят, что не стоит доверять тому, кто первым нашёл тело, но у неё уже было алиби, и она наверняка уже спрятала орудие убийства у себя в квартире или типа того, прежде чем вернуться к Томо-тян.

Конечно, Микоко-тян была единственной, кто знал все детали, так что нужно было бы навестись к ней, чтобы узнать, как всё было. И это определённо не случится. Но в этом и была вся соль. Может, у меня нет всех фактов на руках, но всё это звучало более-менее логично.

Микоко-тян наверняка написала «х больше у» ровно в тот момент, когда она «нашла» тело. Прошлой ночью у неё на это не было ни времени, ни самой идеи сделать это.

— Ну, это определённо выставляет Аой убийцей. Но это ведь всё ещё лишь возможность? Точнее, у тебя ведь нет никаких доказательств?

— Ну, нет. Верно. Говоря прямо, доказательств вообще нет. Да и мог всё это сделать какой-нибудь домушник.

— Но должно же что-то быть. Какая-то странность хотя бы.

— В любом случае, это объясняет инцидент с Томо-тян. Ещё вопросы?

— Да, — удивлённо сказал Дзэродзаки. Вид у него бал такой, будто он хотел что-то сказать, но не мог найти нужных слов. — Нет, забудь, — добавил он. — Ладно, теперь к инциденту с Аой. Почему жто было самоубийство? Даже полицейские сказали, что они считают, что это было убийство, да?

— Ну, это точно будет длинной историей, но её мотив покончить с собой должен быть очевидным, не так ли? После убийства Томо-тян её сознание попрощалось с ней.

— У убийц есть сознание?

— Не все как ты, знаешь ли, — в шутку ответил я. — Да и именно это было написано в её предсмертной записке.

— Ах, полагаю, если это было написано в предсмертной записке, то это можно принять на веру. Это хотя бы доказывает, что Аой сама выбрала смерть. Но я этого особо не понимаю. Именно самоубийство. В этом мире полно убийц всех сортов и расцветок. Но если собиралась это сделать, то ей вообще не нужно было убивать Эмото... Погоди, минуточку.

— Что?

— В смысле «предсмертная записка»?

— Другими словами, что-то вроде эссе, которое человек пишет перед тем как наложить на себя

руки, чтобы оставить после себя хоть что-то. Не путай с последней волей или завещанием.

— Спасибо, детектив Коломбо, — сказал он, спонтанно нанося мне удары по ладони. Самой собой, из-за сломанных пальцев это было крайне болезненно.

— Что ты делаешь? А если мои кости потом не срастутся нормально?

— Будешь играть в футбол. Так что с той предсмертной запиской? Я впервые о ней слышу.

— Да. Видишь ли, до этого... ну, подумай. Тебе это вообще не кажется странным?

— Не кажется странным что?

— Что ты думаешь?

Именно на это указывала Сасаки-сан.

— Посмотри на меня.

Я, неудачник, сместивший сломленного много лет назад человека. Тот, у кого целых нервов не осталось. Тот, кто желал смерти больше чего-либо.

— Ты действительно думаешь, что мне станет тошно от одного лишь вида задушенного трупа человека, которого я знал?

— А-а-а. То есть тебе стало тошно оттого, что это было не убийство, а самоубийство?

— Нет. Труп есть труп, независимо от причины смерти.

Он ничего не сказал.

— Когда я дошёл до жилищного комплекса Микоко-тян, я начал на кнопку интеркома. Мне не ответили. Осознав, опираясь на многочисленные случаи, что это был наверняка плохой знак, я поспешил в её комнату. И что же я увидел? Мёртвое тело Микоко-тян, задушившей себя, на кровати.

Задушенная.

Вот почему Томо-тян придушили сзади, а Микоко-тян — спереди.

— Она сама себя задушила? Это вообще возможно?

— Это так-то весьма распространённый способ покончить с собой. Конечно, в случае Микоко-тян пострадали её трахея, а не артерии. Это невероятно болезненный способ уйти в мир иной. Всё твоё лицо заливаётся кровью, и это несколько не красиво.

Нужно быть чертовски решительным, чтобы избрать такую смерть.

А что касается решительности Аой Микоко...

— И рядом с кроватью была предсмертная записка. Она была адресована мне. В ней было написано много. В ней было написано о том, как она убила Томо-тян и что она хотела, чтобы я после этого сделал.

— И чего она от тебя хотела?

— Она хотела, чтобы никто не подумал, что это было самоубийство. Она не имела ничего против смерти, но ей не хотелось, чтобы все думали о ней, как об убийце Томо-тян.

— Я не совсем уловил. Скажи это прямо, чувак.

— Я веду к тому, что она попросила меня избавиться от всех доказательств. Подвеска, которую она украла с места убийства, и, конечно же, предсмертная записка вместе с ленточкой, которую точно опознали бы как орудие убийства, которой убили и Томо-тян, и её. Было там ещё несколько вещей.

— А-а-а, теперь я понял, — медленно кивнул Дзэродзаки и посмотрел на небо. — Да, теперь это начинает иметь смысл. Значит, ты сделал то, о чём она попросила. А ведь нечто действительно показалось мне странным. Я сам это заметил. Что-то со временем было не так. Ты вышел из своей квартиры в одиннадцать часов, за десять минут дошёл до квартиры Аой, копы приехали ещё через десять минут, а ты ещё через десять минут был доставлен в полицейский участок, и тогда уже наступил ровно полдень. Где-то полчаса нигде не учитываются. Ты что-то делал в течение этого получаса?

— Да. Но, очевидно же, я не покидал квартиру Микоко-тян, чтобы камеры наблюдения меня не засекли, и очевидно также, что я должен был доложить об этом в полицию. По-твоему, что я делал?

— И ты ещё говорил, что тебя обыскали, пока выводили из квартиры? Хм-м... тогда, может быть... ох, чувак... ты всё это съел?

Да. Я кивнул.

Кто угодно уже догадался бы.

И догадался тут Дзэродзаки Хитосики, не иначе.

— Ты всё съел?

— Да. Было вкусно, — спокойно ответил я. — Те, кто занимается этим, называют «наркокурьерами». Но не важно. В любом случае, я не могу съесть то, что я не могу переварить, поэтому мне пришлось подавить желание вырвать, когда я вызвал полицию. Я собирался держаться до того, как я вернусь домой, но не смог, из-за чего меня вырвало в полицейском участке.

— Ты сожрал чёртовы улики... — впечатлённо сказал Дзэродзаки. — И ленточку? Ты понимаешь, что съел вещь, которой убили двух человек? Это безумие, чувак.

— Да, не спорю. Я и не говорил, что я адекватный.

— Но почему ты пошёл на поводу у просьбы Аой? Ты же мог просто проигнорировать её, и тебе тогда не пришлось ходить по охеренно тонкому льду, метафорически говоря.

— Да. Наверно, я о чём-то сам думал. Ты можешь назвать это чем-то вроде искупления, — сказал я, разрывая зрительный контакт с Дзэродзаки. — Тем не менее, это закругляет историю о смерти Аой Микоко. Она сама себя убила. Вообще история в целом должна была кончиться на этом, но...

— Но инциденты продолжились, несмотря на ожидания?

— Ага, — вздохнул я. — Это... это действительно удивило.

— А что насчёт Атэмии? Почему она убила Усами?

— Ну, об этом можно лишь догадываться. Я к этому вообще не был причастен. Но у меня есть предположение, которое может иметь место быть. Это всего лишь обычное, повседневное даже дело об убийстве, — сказал я. — Муими-тян наверняка в первую же очередь подумала, что в смерти Микоко-тян было нечто странное. Давай вообще предположим, что Микоко-тян разговаривала с ней об убийстве Томо-тян и что Муими-тян потом поняла, что смерть Микоко-тян было самоубийством.

— Хорошо.

— Так что она сделала?

Ради чьего-то блага.

Не для себя.

— Что она могла сделать для Микоко-тян? Дзэродзаки, что бы ты сделал?

— Ничего. Аой уже была мертва.

Верно.

Даже для того, кто ещё был жив, Дзэродзаки всё равно ничего бы не сделал. Как и я. Всё было просто.

— Но Муими-тян попыталась сделать две вещи: отомстить и защитить Микоко-тян.

— Под мстью ты подразумеваешь убить тебя? Ну, мне кажется, что ты типа отверг Аой, как ни погляди. В этом есть смысл. Она именно это и сказала? Что Аой запала на тебя?

— Не делай вид, будто ты казанова. Даже я понял это.

— То есть ты знал и просто игнорировал её? Чёрт, тогда у тебя нет никакого права жаловаться на то, что тебя чуть не убили. Но к чему ты клонишь, говоря, что она пыталась «защитить» её? Как убийство Усами должно было защитить Аой?

— Как и в моём случае, Муими-тян пыталась сохранить честь Микоко-тян. Если бы произошло третье убийство, то никто не заподозрил бы, что вторая жертва, Микоко-тян, на самом деле убила Томо-тян, что она убила близкую подругу.

— Ладно, справедливо. Но Почему Усами? Она могла ведь кого угодно убить. Ей не нужно было убивать своего же друга.

— Нет. Она убила его, потому что он был её другом. Если бы третьей жертвой оказался тот, кто никак не связан с Томоэ-тян и Микоко-тян, то полиция даже не посчитала это за «третий инцидент», скажем так. Так что наиболее вероятным кандидатом на место следующей жертвы был либо Усами Акихару, либо я. И я знаю, о чём ты думаешь, Дзэродзаки. Почему же она тогда просто не убила меня? И вправду. Но я не шучу, говоря, что моя квартира древняя. Нет места, в котором человека убить было бы тяжелее, чем та квартира.

С такими тонкими стенами можно было услышать даже звук ходьбы по коридору. Проникнуть в мою квартиру, подраться и убить человека там было невозможно.

— Значит, Усами был следующим лучшим вариантом? Но Усами ведь тоже был другом Атэмии, даже если Аой была её близкой подругой? Как она могла?

— Я тоже сомневался. Не говоря уже о том, Томоэ-тян тоже была подругой для Муими-тян. Я не мог понять, почему Муими-тян простила бы человека, убившего её. Поэтому я спросил у неё об этом. И она сказала вот что: «Речь идёт о "порядке приоритетов".» В общих чертах это означает, что для Муими-тян уже убитая Микоко-тян была гораздо ценнее Акихару-куна, который тогда ещё не умер, или Томо-тян, ставшей жертвой Микоко-тян.

— Это ужасно. Усами не повезло сильнее остальных.

— Наверно, да.

Акихару-кун предсказывал, что он станет следующим, и заявил, что он с радостью умер бы. Сколько же правды он тогда выяснил? Для меня это было загадкой. Не слишком ли романтично предположить, что Акихару-кун узнал вообще всё и всё равно позволил Муими-тян убить его? Если так всё и было, то Усами Акихару можно будет назвать единственным порядочным человеком во всей этой цепочке событий.

Потому, что он полностью принял своих друзей такими, какие они есть.

— Скажи... — Дзэродзаки встал и задумался, с виду напоминая скульптуру Родена, затем убрал руки и посмотрел на меня. — Я понимаю всю эту логику, но у меня остались те же сомнения касательно Аой. Это всё ведь опирается на предположении, что Атэмия действительно убила его?

— Аой оставила предсмертную записку, так что это одно. Но в случае Атэмии нужно быть профессиональным мыслителем, как Киндайти или кто-то в этом духе. Ты всё понял по одному лишь телефонному звонку, даже не смотря на какие-либо улики. Либо ты просто догадался, что остались только вы с Атэмией, а потому это наверняка была она, либо я без понятия, что ты, чёрт возьми, сделал.

— У тебя зуб наточен на Ёкомидзо?

Я не мог не почувствовать враждебность в многочисленных отсылках Дзэродзаки на Киндайти. Тем не менее, он просто покачал головой.

— Нет, не особо, — ответил он. — Но обложки его книг всегда меня пугали, поэтому я только смотрю сериалы по телику. Я ни ненавижу его, ни люблю, скажу прямо.

— Хм.

— То есть это всё?

— Нет. Отмотай назад. Вспомни, о чём я спросил у Сааки-сан?

— Да, точно. Была ли там метка «х больше у». И? Я думал, ты говорил, что это неважно.

— Значение её неважно. К этому моменту она была лишь набором случайных символов. Она лишь что-то значила в деле о смерти Томо-тян. Но факт того, что ту же метку нашли на месте

смерти Акихару-куна, указывает на нечто очень странное.

— На что?

— Что эта метка, «х больше у», найденная на каждом месте преступления, была секретом. Об этом знала только полиция. Сасаки-сан поначалу даже не упоминала её. О ней могли знать, помимо неё, только мы с тобой, поскольку мы проникли на место преступления, и все, кого я спрашивал: «Как думаешь, что означает "х больше у"?»

Точнее, Айкава-сан, Микоко-тян и Муими-тян.

— Должны же быть другие люди, которые знали об этом. Те, кто работает над этим делом, и прочие.

— Верно. Было немало людей, знавших об этом. Но Муими-тян была единственной, кто считал, что это было «предсмертное послание».

— А-а-а, потому что полиция считала, что его оставил убийца. И?

— В случае с Акихару-куном Сасаки-сан доложила, что, согласно уликам, жертва сама оставила послание. Почему только тогда? Скорее всего, потому, что убийца заставил свою жертву написать это прежде чем убить, чтобы обставить всё как «третий инцидент».

— И она бы ни за что до этого не додумалась, если бы она не увидела в той метке предсмертное послание? То есть Атэмия не знала, что означает «х больше у»?

— Не думаю.

Если бы она знала, что она значит, то она, наверно, не стала бы её так использовать.

— И для тебя этого было достаточно, чтобы понять, что убийцей была Атэмия?

— Ну, конечно, это было частично предположением. Я как бы догадался, что она наиболее возможной убийцей из всех. Даже я был впечатлён её преданностью Микоко-тян.

— Нет, не был, — посмеялся он. — Чувак, я больше не верю ничему из того, что ты скажешь. Ты не просто пассивный наблюдатель. Ты чёртов лжец.

— Я уверен, что я это тебе говорил.

— Не щеголяй своими огрехами.

— Да, я знаю, что не должен, — спокойно сказал я. — Неважно. Похоже, у тебя вопросов не осталось. В таком случае мы можем уже закончить с этим?

— Не самый грандиозный конец, но... а-а-а-ах, как бы так сказать? Вся эта история, поданная таким образом, больше похожа на...

— Шедевр?

— Нет, на бессмыслицу, — сказал он, будто он только что услышал самую разочаровывающую шутку всех времён.

Я ощутил примерно то же самое.

Это было нечто до одури гротескное, ужасно извращённым, мерзким. Что-то вроде шутки, забавного анекдота, незаметной, невыносимой фигуры.

В конце концов, не существовало способа перестать думать, как сильно ты бы не пытался заставить себя перестать. Твой мозг на автомате продолжит думать.

Кто и что виновато в этом? Наверно, это само по себе достаточно просто. Это проблема, с которой каждый может совладать, при обсуждении которой все могут сойтись во мнениях и ощутить симпатию. Нечто близкое всем.

Это я превратило всё это в нечто неприятное.

Я не знаю.

Если бы я мог всё бросить. Как приятно тогда стало бы.

— Ну, не стану так глубоко копать, — сказал Дзэродзаки в поисках другого пути с выражением полной незаинтересованности. — Не думаю, что ты мне ответишь прямо. Но.. эх, забудь.

— Что? Ты как-то слишком быстро сдался.

— Ну, я приберёг пару идей в рукаве, но расскажешь ли ты мне ещё кое-что, о разносчит бессмыслицы?

— Что именно, моё дорогое смертоносное чудовище?

— Какие у тебя мысли?

— Что? О чём ты?

— Что ты думаешь насчёт того факта, что вокруг тебя только что убили трёх человек? — спросил он, внезапно заинтересовавшийся. Он был словно маленький мальчик, счастливо рассматривающий своё отражение в зеркале. — Ты видел людей, убивающих друзей, убивающих себя, убивающих ради своих друзей, погибающих ради друзей и вдобавок к этому тебя чуть не убили. И что ты думаешь насчёт всего этого?

— ...

Это был прямой вопрос, который я вряд ли смог задать самому себе.

Я попытался сложить руки и сделать вид, будто я думаю, чтобы выиграть немного времени, но мои сломанные пальцы даже не позволят мне сделать это.

— Дзэродзаки, вот что я думаю насчёт этой цепочки инцидентов.

— Давай, скажи.

— В этот раз я слишком много разговаривал. Моё горло болит почти так же сильно, как и мои пальцы.

...

Дзэродзаки замер. Его лицо на миг исказилось, прежде чем он рассмеялся.

— Гаха-ха-ха-ха-ха! Я в этом уверен, — сказал он. — Другими словами, тебе ведь вообще будет всё равно, помрут твои друзья или нет?

— Нет, даже парень вроде меня испытывает некий шок из-за смерти его друга. Просто эти люди ещё не стали друзьями.

Из всех людей я был ближе всего к Эмото Томоэ, и эту близость точно стоило винить в том, что она стала такой далёкой.

Я не мог ответить чувствами на чувства Аой Микоко, а агрессивные проявления эмоций Атэмии Муими мне были совершенно незнакомы.

Также доброты Усами Акихару мне не хватало.

— Ты живёшь неполноценной жизнью, — сказала Дзэродзаки.

— А вот и нет.

— А вот и да. Ты ограничиваешь себя.

— Уж лучше это, чем позволять другим ограничивать меня. Как ты вообще видишь свободу, Дзэродзаки? Свобода для тебя — возможность убивать людей?

— А-а-а, моя идея свободы? — сказал он со странным смешком. — Ну, вот честно, я ненавижу это чёртово слово. Мне оно мерзко. От него у меня мурашки по коже.

— Да, мне оно тоже не нравится.

— Это слово ведь и гроша ломаного в Японии не стоит. Люди просто разбрасываются им в любом контексте. Они используют его как отмазку. Как, например: «Есть ли у меня свобода на хотя бы покраску своих волос?» Какая же это херня. Но я по большей части делаю то, что я хочу, назовёшь ты это свободой или нет. К чёрту ограничения, что свои, что налагаемые на меня.

— Справедливо. — Я вздохнул и кивнул. — Тогда, наверно, если я себя не сдерживал, то я стал бы кем-то вроде тебя.

— Означает ли это, что я стал бы тобой, если бы я на себя накладывал ограничения?

Как же это непривлекательно.

— Думаю, здесь я промолчу.

— Да, какая досада. Спасибо.

Дзэродзаки посмеялся, я — нет.

Во время нашего бессмысленного разговора больница замаячила перед нами. А сейчас мы уже какое-то время просто стояли и разговаривали. Я этого вообще не заметил. В какой-то момент я действительно слишком много говорил.

После этого мы продолжили обсуждением тем, которые никак не были связаны с убийцами.

Тем, имеющих отношение только к нам. Примерно часа два. О глупых вещах, которые никак не пригодятся в жизни. Которые ни помогут, ни навредят миру.

Какие-то темя поднимал я, какие-то — я.

Будь у меня три желания, о чём бы я пожелал? если ты найдёшь сто миллионов иен, то на что ты их потратишь? Кто красивее: равнобедренный треугольник или равносторонний? Что больше: километр или килограмм? Ты бы скорее вступил в Герметический орден Золотой зари или в Орден розы и креста? Можно ли построить магический квадрат из 15 блоков размером 115 на 15? Что вообще значит «Отелло, восемьдесят восемь»?

Мы общались, как два хороших приятеля.

Но Дзэродзаки не был моим другом, как и я его. Мы вполне могли бы и с самими собой разговаривать. Вся эта болтовня была бессмысленной и ломаного гроша не стоила. Мне она не казалась ни приятной, ни неприятной. Это был акт рефлексии на то, как я прожил эти девятнадцать лет. Отражение света.

Дзэродзаки Хитосики.

Этот кусок времени был невыносимым, но по итогу эти магические часы закончили свой ход.

— Что ж, все мои сомнения ушли, — сказал он потом. — Думаю, пора прощаться.

— Да, — согласился я.

— Приятно было убить время с тобой — ответил он, вставая с перил, на которых он сидел. Он посмотрел на меня сбоку. — Скажи, а ты собираешься постоянно жить в Киото?

— Трудно сказать. Я так-то скиталец. Думаю, я буду жить здесь, пока учусь в университете, но никогда нельзя быть уверенным в том, что меня не отчислят.

— Понял. Ну, тогда в какое место ты бы ни за что отправился?

— Хм... Не думаю, что я когда-либо отправлюсь на Северный или Южный полюс, — ответил я обычным ответом после недолгих раздумий. — Но куда я точно не пошёл бы, так это в Техас в Америке. Особенно в Хьюстон. Я лучше сломаю все кости в своём теле, чем вернусь туда.

— Ясно, — кивнул он. — Значит, я отправлюсь туда.

— А ты разговариваешь на английском?

— Я учился в среднюю школу. К тому же нож поможет пройти там, где слова бесполезны. Конечно, — едко добавил он, — твой нож с этим не справится.

Я пожал плечами в ответ на его комментарий.

— Ну, думается мне, что мы вновь не увидимся.

— Меня это устраивает. Мне всё равно не нравится видеться с тобой.

— Да, согласен.

Это, наверно, было правдой. Я не загорелся бы желанием увидеть его, как и он по отношению

ко мне. Сам шанс этого был практически нулевым, из чего следовало логичный вывод.

В конце я задал последний вопрос. Я вынул самую глубокую, самую тёмную часть своего естества и хорошенько пригляделся к нему.

— Скажи мне, Дзэродзаки.

— Что?

— Ты кого-нибудь любишь?

— Чёрта с два, чувак. Разве не видно? Так уж вышло, что сильнее всех я ненавижу себя. Или, возможно, тебя. А с чего ты спрашиваешь?

— У меня есть такая.

Он слегка удивился, но затем одарил меня злорадной ухмылкой.

— Я спрашивал у тебя об этом, и ты тогда сказал: «Э-э, я не знаю толком,» — козёл.

— Да, я солгал.

— Ох, — сказал он. — Ну, таково, видимо, отличие между нами.

— Да, Думаю, что да.

— Думаю, тебе тогда стоит продолжить жить. Не стань мной.

— И тебе того же.

Он повернулся ко мне спиной и начал идти в сторону улиц Имадэгава. Я повернулся спиной к нему и начал идти в сторону приёмного отделения больницы.

Никто из нас не проронил ни слова, но я уверен, что мы думали об одном и том же.

— А теперь...

Для меня это стало концом этой истории. Но даже если мир или два рухнут по ту сторону зеркала, я смогу думать минимум о двух людях, которые не собирались допустить этого, и в этом было нечто грустное.

Наверно, это тоже было формой божественного возмездия.

— И такова эта чёртова жизнь, Ошибка природы?

Пробурчал «Побитый».

Я разговаривал с самим собой.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3995003>